

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.011

УДК 930(4)“19/20” + 323.325:316.356.2 +
+ 316.346**О. В. Горбачев**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКАЯ СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В обзорной статье анализируются подходы к изучению сельской семьи советского периода, сложившиеся в зарубежной (преимущественно западной) историографии с 1960-х гг. до настоящего времени. Сельская семья оказалась в фокусе социальных и политических трансформаций XX в., пережила сильные изменения в результате мировых и гражданской войн, а также процесса урбанизации, принявшего форсированный характер под влиянием мер государственной политики. Статья призвана способствовать сближению методологических и тематических позиций российских и зарубежных исследователей в рассмотрении феномена сельской семьи.

Изучение советской сельской семьи, обычно в широком тематическом контексте, началось в русле «антропологического» поворота на рубеже 1960–1970-х гг. С подачи Т. Шанина семейные домохозяйства оказались в фокусе зарождающегося крестьяноведения. Методологические предпочтения, а также относительно небольшое количество доступных первичных статистических источников определили ограниченный интерес западных авторов к историко-демографическому изучению советской сельской семьи. В рамках ревизионистской парадигмы в 1980–1990-е гг. сельская семья изучалась главным образом как объект властного воздействия (радикальные проекты 1920-х гг., коллективизация, меры по укреплению семьи в 1930-е гг.). Особенно активной на этом поле оказалась «феминистская» историография. Во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг. пришло время взвешенных характеристик, достаточно свободных от политизированных оценок. Появилась возможность рассматривать советскую семью и семейную политику в общемировом контексте. Послевоенный период в развитии сельской семьи представлен в зарубежных работах достаточно слабо. В целом западным авторам удалось зафиксировать направления эволюции и новое качество сельской семьи, ставшие очевидными в последние советские десятилетия.

Ключевые слова: Советский Союз; семья; крестьянство; сельская семья; историческая демография; урбанизация; демографический переход; семейная политика

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18-09-00592А «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований»).

Цитирование: Горбачев О. В. Советская сельская семья в зарубежной историографии: направления изучения и подходы к интерпретации // Известия

Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 160–177. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.011>

Поступила в редакцию: 06.06.2020

Принята к печати: 15.12.2020

Oleg V. Gorbachev

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

SOVIET RURAL FAMILY IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY: LINES OF RESEARCH AND INTERPRETATION APPROACHES

This review article analyses approaches to the study of the rural family of the Soviet period that have taken shape in foreign (mainly Western) historiography between the 1960s and the present. The rural family was in the focus of social and political transformations of the twentieth century, suffered a severe deformation as a result of world and civil wars, as well as the urbanisation process, which took on a forced character under the influence of state policy measures. The article is intended to help bring together the methodological and thematic positions of Russian and foreign researchers in considering the phenomenon of the rural family.

The study of the Soviet rural family, usually in a wider thematic context, began in line with the “anthropological” turn at the turn of the 1970s. At the suggestion of T. Shanin, family households entered the focus of the emerging peasant studies. Methodological preferences, as well as the relatively small number of available primary statistics, determined the limited interest of Western authors in the historical and demographic study of the Soviet rural family. In the 1980s and 1990s, within the framework of the revisionist paradigm, the rural family was studied mainly as an object of influence from the authorities (radical projects of the 1920s, collectivisation, and measures to strengthen the family in the 1930s). “Feminist” historiography was especially active in this field. In the second half of the 1990s and early 2000s, time came for balanced characteristics, quite free from politicised assessments. There was an opportunity to consider the Soviet family and family policy in a global context. The post-war period in the development of the rural family is represented in foreign works rather poorly. In general, Western authors managed to capture the directions of evolution and the new quality of the rural family, which have become apparent in the later Soviet decades.

Key words: Soviet Union; family; peasantry; rural family; historical demography; urbanisation; demographic transition; family policy

Acknowledgements

This publication was completed in the framework of the *Russian Foundation for Basic Research* grant (18-09-00592A “Evolution of the Peasant Family in the Middle Urals in the 20th Century: The Experience of Reconstruction Based on Budget Surveys”).

For citation: Gorbachev, O. V. (2021). Sovetskaia sel'skaia sem'ia v zarubezhnoi istoriografii: napravleniia izucheniia i podkhody k interpretatsii [Soviet Rural Family

in Foreign Historiography: Lines of Research and Interpretation Approaches]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 160–177.
<https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.011>

Submitted: 06.06.2020

Accepted: 15.12.2020

Введение

Очевидная значимость института семьи для понимания тенденций общественного развития объясняет интерес к нему со стороны представителей разных отраслей знания. В XX столетии во многих странах семья пережила масштабную трансформацию, обусловленную демографическим переходом: традиционная расширенная патриархальная крестьянская семья вытеснялась нуклеарной эгалитарной семьей городского типа. В Советской России этот процесс сопровождался политикой, направленной на разрушение «буржуазной» семьи и ее замену «социалистическими» семейными отношениями. Отсутствие у власти четких представлений относительно параметров новой семьи обусловило противоречивость этой политики и сделало процессы изменения семейного быта еще более сложными и драматичными.

Эволюция семьи в СССР была теснейшим образом связана с «великим переселением» сельских жителей в города под влиянием, во-первых, урбанизации как выражения глобального процесса модернизации, а во-вторых, политики пролетаризации сельского населения, придававшей этому процессу форсированный характер. Скорость и интенсивность переселения в города очевидно опережали значительно более инерционные изменения в структуре семьи и в представлениях власти и общества о ее социальной роли. Поэтому после радикальных попыток разрушения традиции прежние семейные формы в том или ином виде воспроизводились как в городе, так и в селе.

Многогранность семьи как предмета исследования обусловила существование многочисленных подходов к ее изучению. В современной историографии следует выделить как минимум несколько условных трендов, в границах которых рассматривается советская сельская семья: антропологический, крестьяноведческий, демографический, гендерный, политико-институциональный, коммунитарный. Ключевые вопросы исследований — эволюция структуры семьи, ее экономической и социальной роли, влияние на нее семейной политики, изменение роли женщины, труд и воспитание в семье, а также проблема преемственности советской сельской семьи по отношению к дореволюционной крестьянской.

Целью статьи является определение специфики зарубежных интерпретаций истории советской сельской семьи, а в конечном счете — выявление возможностей для сближения позиций отечественных и зарубежных авторов в разработке этой темы.

Хотя из-за отсутствия специальных работ по истории сельской семьи периодизацию ее изучения зарубежными авторами выстроить затруднительно,

можно, тем не менее, утверждать, что оно начинается на рубеже 1960–1970-х гг. в контексте «антропологического поворота» в гуманитарном знании, обозначившего переход от структурализма к изучению социальной жизни. Посвященные семейной проблематике сюжеты обычно включались в работы, посвященные истории конкретных социальных групп и направлений социальной политики государства. В среде зарубежных специалистов по СССР эта линия нашла выражение в работах представителей ревизионистского направления, вышедших в 1970–1990-е гг., обычно в контексте взаимоотношений народа и власти. Отсюда внимание к народным корням большевистской идеологии и влиянию радикальных социальных преобразований первых лет советской власти на повседневную жизнь.

Одной из наиболее влиятельных в исследовании советской семьи стала «гендерная» традиция, первоначально развивавшаяся в рамках ревизионизма, а к началу 2000-х гг. занявшая собственную нишу в «новой исторической науке» [Репина, с. 503–546].

Представителей гендерного направления среди прочего весьма интересовали последствия «сталинского поворота» в семейной политике в первой половине 1930-х гг. К середине 1990-х гг. была признана ограниченность «феминистской» интерпретации сталинских мер только как консервативного реванша [см.: Waters]. В то же время в начале 2000-х гг. ряд авторов использовали сюжет «сталинского поворота» для выработки компаративного взгляда на советскую семью и семейную политику, позволяющего характеризовать эти явления в контексте глобальных тенденций [см., например: Hoffmann, 2000; Хоффман; Ginsborg].

В целом, по сравнению с городской, сельская семья освещалась зарубежными авторами довольно фрагментарно. Это можно объяснить тем, что специфика «советскости», интересовавшая исследователей, гораздо более наглядно представлена именно в «городских» материалах. Одновременно формировалось осознание того, что такое положение неудовлетворительно. По выражению М. Бакли, изучавшей деятельность женщин-активисток в советской деревне, «мы должны сузить аграрный провал в наших знаниях» [Buckley, 2001, p. 288].

Сельская семья в контексте «антропологического поворота»

Вышедшая в 1967 г. и предназначенная для американских студентов-антропологов книга С. и Э. Данн «Крестьяне Центральной России» стала одной из первых зарубежных попыток разобраться в том, что происходило в российской деревне в XX в. [Dunn, Dunn]. Как было принято в то время, работа в основном опиралась на факты, известные из советских исследований и периодики. Авторы рассматривали семью в качестве адаптивного механизма в советской деревне, замечая, что с распадом семьи социально-экономическое положение ее членов ухудшалось. Значение приусадебных хозяйств виделось в том, что они высвобождали денежные ресурсы, полученные от работы в государственном секторе, для повышения уровня потребления, поскольку меньше денег можно было

тратить на еду. С. и Э. Данн также утверждали, что советская сельская семья сохранила преемственность по отношению к прежней патриархальной семье, прежде всего в части существования женской собственности на отдельные предметы обихода при общесемейном коллективном владении имуществом.

Ответ советских специалистов на эту публикацию оказался эмоционально довольно жестким [Anokhina, Krupianskaia, Shmeleva]. Советские антропологи, выступая с позиции догматического марксистского структурализма, говорили со своими западными оппонентами на разных языках. Они были выразителями не только официальной идеологической, но и консервативной научной позиции. Оппоненты С. и Э. Данн настаивали на существовании новой советской семьи, никак не связанной с патриархальной традицией, а также утверждали приоритет колхозной системы перед семейными хозяйствами [Ibid., p. 145]. В то же время советские рецензенты были правы в том, что в книге С. и Э. Данн советский крестьянский мир показан без учета исторической динамики, и реалии первых лет советской власти авторы были склонны переносить на более позднее время [Ibid.].

Исследование гораздо более высокого уровня, чем книга С. и Э. Данн, но имеющее во многом общую с ней мировоззренческую основу — вышедшая в 1972 г. работа Т. Шанина, по сей день не потерявшая научного значения и недавно переведенная в России [Шанин].

Заявленный Шаниным «крестьяноведческий» подход, позже разделявшийся В. П. Даниловым и его учениками, полемизировал с советским официальным дискурсом, в рамках которого деревня XX в., как правило, рассматривалась в контексте социалистических аграрных преобразований. Шанин отдает должное советским исследователям 1920-х гг., считая наиболее серьезной их заслугой признание крестьянского домохозяйства ядром всей жизни села, на котором должны были быть прежде всего сосредоточены интересы ученых [Там же, с. 113]. На этой основе сформировано и собственное научное кредо автора работы.

Работа Шанина позволяет понять, что концептуализация крестьянской семьи как социального института невозможна без учета, во-первых, содержания ее хозяйственной деятельности, необходимой для физического выживания семьи, а во-вторых, без анализа определяемых этой деятельностью внутрисемейных связей.

Одной из целей работы Шанина была актуализация заслуг организационно-производственного направления во главе с А. В. Чаяновым в изучении деревни. Но взгляд Шанина шире чаяновского: он не ограничивается экономическими вопросами; среди прочего, исследователя интересуют социальные и юридические аспекты крестьянской жизни первой четверти XX в.

Характеризуя механизмы функционирования традиционной семьи, Шанин рассматривает закономерности ее роста и эволюции. Вслед за Чаяновым он полагает, что в начале XX в., как и столетием ранее, основой членства в семье были не столько кровные связи, сколько полное вовлечение в жизнедеятельность семьи («едащие из одного горшка») [Чаянов, с. 215; Шанин, с. 347]. В отличие

от Западной Европы, в России отсутствовал институт найма как условия вхождения в семью, взамен него требовалась своеобразная «инициация» в виде женитьбы или усыновления [Шанин, с. 59]¹.

Исследователь полагает, что именно семья определяла престиж и социальную позицию человека в крестьянском обществе; на первом месте находился статус семьи, к которой он принадлежал, на втором — его положение внутри семьи [Шанин, с. 346].

Право на семейную собственность, по Шанину, определялось не формально — по факту рождения или усыновления, — а активным участием в делах семьи. Семейный характер крестьянской собственности не только не исчез после большевистской революции, но был подтвержден Земельным кодексом 1922 г. и продолжал действовать как минимум до конца 1960-х гг. [Там же, с. 378, 389]. Таким образом, давался вполне определенный ответ на вопрос об устойчивости традиционных крестьянских семейных установлений в советской действительности.

И все же в первую очередь Шанина интересовала доколхозная деревня в ситуации «аграрной революции». Несмотря на начавшуюся деформацию традиционной структуры крестьянского общества, женщины и молодежь продолжали в нем эффективно контролироваться [Там же, с. 302], т. е. в целом семья сохраняла свое институциональное значение в этот период.

Проблемы историко-демографического анализа сельской семьи

Семья вполне естественно является объектом внимания со стороны историков-демографов. При этом в отношении советской сельской семьи ситуация достаточно парадоксальная. В последние десятилетия очень динамично развивается интернациональное историко-демографическое направление под условным названием «история семьи» (*family history*). В его рамках востребована методика восстановления семьи (*family reconstitution*) [Åkerman]. Этому тренду соответствует определенное количество исследований, отечественных и зарубежных, в которых рассматриваются российские крестьянские домохозяйства в XVIII — начале XX в. [см. подробнее: Troitskaia, Avdeev], но советский период до сих пор фактически не затронут. В этой части остается справедливым утверждение Б. Урланиса (1941), что для западных исследователей с демографической точки зрения Россия представляет собой белое пятно [Ibid., p. 563]. Причина видится в дефиците советских первичных (номинативных) источников, в том числе по истории семьи [см. подробнее: Mazug, Gorbachev]. Отечественные авторы при изучении демографических процессов вынуждены опираться преимущественно на агрегированные данные (в первую очередь на переписи населения), что затрудняет кооперацию с зарубежными исследователями.

¹ О специфике формирования традиционной русской и восточноевропейской семьи в сравнении с западноевропейской см.: [Mitterauer, Kagan].

В качестве попытки «встречного движения» со стороны западных специалистов и выработки общих подходов следует рассматривать вышедший в 1986 г. информативный справочник по переписям населения в России / СССР. Помимо сведений об истории переписей, их содержании, сопоставимости статистики, перечней таблиц, названий и т. п., в книге дается характеристика тематических блоков данных. Так, отдельная глава посвящена отражению в переписях вопросов брака, семьи и рождаемости [Research Guide..., p. 131–154].

Радикальная идеология и возможности реальной семейной политики

Социально-политическому направлению в историографии сельской семьи повезло значительно больше. Большое количество авторов отдало дань «семейной революции» первых лет советской власти. Большевистские воззрения по поводу семьи соотносились с российской сельской реальностью по крайней мере в двух измерениях: судьба семьи-домохозяйства и социальный статус женщины.

В соответствии с марксистскими установлениями, прежняя семья должна была исчезнуть, поскольку в прошлом она играла ключевую роль в создании и передаче частной собственности и служила институтом угнетения. Поэтому российским социалистам легко было согласиться с необходимостью ослабления власти домашнего хозяйства и передачи соответствующих прав и обязанностей в общественное достояние [Waters, p. 277].

Большевистское видение неизбежности исчезновения прежней семьи реконструируется следующим образом: производительные функции крестьянского хозяйства подрывались развитием капитализма, а пролетарская семья в капиталистических условиях слишком бедна и нестабильна, чтобы выжить [Ginsborg, p. 415].

Отмечается, что в условиях России важным обстоятельством, способствовавшим применению марксистских положений по отношению к сфере домашнего труда, был взгляд на сельское хозяйство как на «домашнюю экономику». В формировании этого взгляда активно участвовали российские экономисты начала XX в., тогда как в западную литературу это видение пришло только в 1970-е гг. [Waters, p. 282]. Возможность критики крестьянского хозяйства с марксистских позиций делала призывы ниспровергателей старой семьи максимально радикальными.

В этом эмоциональном шуме терялись возражения А. Чайнова и его сторонников, утверждавших, что капитализм не разрушает крестьянскую семью, поскольку ее экономика не носит предпринимательского характера, а потому сельское домохозяйство органично вписывается в социалистическую систему отношений.

Р. Стайтс обращает внимание на то, что в деревнях революция института брака совпала со старыми традициями «бабьего» сопротивления своим мужьям [Стайтс, с. 493]. Историки-«феминисты» при этом полагают, что основной целью

большевистской политики было освобождение женщины не столько от мужского диктата, сколько от подчинения патриархальной семье с последующим вовлечением в коммунистическое строительство [Ashwin, p. 7–8; Wood, p. 3].

Однако до реального разрушения прежней семьи и освобождения женщины от «домашнего рабства» дело не доходило из-за недостатка ресурсов. Экономическую функцию семьи должно было взять на себя государство, что оно было сделать не в состоянии. Л. Троцкий писал в 1923 г., что «обобществление семейного хозяйства и воспитания детей невысказимо без известного обогащения всего нашего хозяйства в целом» [Троцкий, с. 37]. Поэтому большевики были радикалами в семейной политике больше на словах, и обычно прибегали к радикальной фразеологии, лишь выступая перед женской аудиторией [Waters, p. 284].

Важнейший элемент большевистской атаки на семью — частная собственность — оставался малообсуждаемой и нереализуемой целью. В конце концов фундаментальный материальный базис новых отношений — отсутствие собственности — был отброшен. Немалую роль в изменении идеологического курса сыграла крестьянская оппозиция [Ginsborg, p. 417].

Связанное с реформированием семьи повышение социального статуса женщины воспринималось в качестве угрозы как частью большевиков, так и самими крестьянами. В маскулинной большевистской среде присутствовало неясное опасение, что реализация реформы привела бы к отмене мужского доминирования в политике. Со своей стороны, крестьяне боялись не только того, что коммунисты отберут детей и заставят всех спать под одним одеялом, но — и это выглядело более реальным, — что более широкие права для женщин приведут к разделению домашнего имущества [Waters, p. 284–285]. Особый вес крестьянские сомнения имели в начале 1920-х гг., когда от крестьянской поддержки зависела победа в Гражданской войне. Именно в этом Э. Уотерс усматривает причину сохранения крестьянского наследственного права в Земельном кодексе 1922 г., на что обращал внимание и Т. Шанин.

Несмотря на то, что аграрные эксперименты первых лет советской власти, направленные на разрушение крестьянских домохозяйств и создание сельскохозяйственных коммун, были довольно многочисленными, они до сих пор остаются плохо изученными как в российской, так и в зарубежной историографии. Редкий пример такого исследования с позиций социальной истории — книга Д. Дюран (1978). Значительная часть работы посвящена отражению в советской периодике 1920-х гг. процессов обобществления функций крестьянской семьи, а также положению женщин, воспитанию и обучению детей в коммунах. Среди наиболее серьезных проблем, с которыми сталкивались коммунары, была необходимость мириться с утратой прежней лидирующей роли представителями старшего поколения и большей активностью женщин. Автор приходит к выводу, что в условиях послевоенной неустроенности и нищеты для части жителей села коммуна была выгодной альтернативой традиционному быту, в том числе семейному [Дюран, с. 131–178].

Крестьянское домохозяйство в 1920–1930-е гг.: стабилизирующие и деструктивные факторы

Лейтмотивом ряда работ о первых годах советской власти становится разрушение крестьянского мира. Д. Хоффман анализирует разделы крестьянских хозяйств после Гражданской войны [Hoffman, 1994, p. 639–641]. Л. Виола упоминает о межпоколенных столкновениях в послереволюционные годы из-за ослабления роли главы семьи, а также о гендерных конфликтах как следствии стремления советской власти повысить социальный статус женщины [Viola, p. 455].

Новые семейные практики — право на развод, на получение алиментов в денежной форме и т. п., узаконенные в семейных кодексах 1918 и 1926 гг., плохо соотносились с крестьянским домохозяйством. Члены крестьянской семьи работали не за деньги, а произведенное потребляли коллективно. Индивидуальные права ее членов при этом игнорировались [Goldman, p. 145]. В результате нормы Семейного (1918) и Земельного (1922) кодексов противоречили друг другу (в части алиментов и обязанностей по воспитанию детей) [Ibid., p. 145, 161]. Крестьяне не приняли и Семейный кодекс 1926 г., впечатленные «распушенностью» городских нравов, высоким уровнем разводов, а также опасаясь финансовой уязвимости своих хозяйств в случае распада брачного союза [Стайтс, с. 496–497, 514; Ranes, p. 30]. Б. Рэйнс приводит свидетельства, что разведенные сельские женщины часто нанимались в батрачки, попадали в категорию безземельных, нанимались к кулакам, шли в «сезонные жены» (на время уборочной) или же скатывались к проституции, т. е. составляли маргинальную часть сельского общества [Ranes, p. 30].

Многие авторы разделяют тезис Т. Шанина об устойчивости семейных структур в нэповской деревне. Например, Э. Уотерс полагает, что традиционные семьи в этот период находились на достаточном удалении и от новых веяний XX столетия, и от партийного влияния. Даже в городе вопросы реформирования семьи, несмотря на всю остроту дискуссий, были для большевиков гораздо менее важны, чем проблемы организации послереволюционной повседневной жизни. К тому же партийные функционеры в деревне проявляли меньшую активность по сравнению с их городскими коллегами [Waters, p. 275–276].

В западных работах, посвященных коллективизации, в рамках традиции, заложенной М. Левиным и Р. Конквестом, присутствует кризисное восприятие судьбы крестьянского мира, где трагедия крестьянских семей неотделима от общей политики «раскрестьянивания».

Ш. Фицпатрик, разделяя выводы о разрушительном воздействии коллективизации на социальный строй и демографическую структуру деревни, тем не менее считает, что крестьянский двор во многом сохранил свое значение в колхозной реальности. Несмотря на то, что членство в колхозе было индивидуальным, а не подворным, приоритет двора в выполнении повседневных функций остался прежним. Именно колхозный двор имел приусадебный

участок, именно с двора требовались уплата местных налогов и выполнение обязательств по зернопоставкам. Это положение было закреплено сначала в Уставе сельскохозяйственной артели 1935 г., а затем — в Конституции 1936 г. [Фицпатрик, 2001б, с. 130].

Вместе с тем ситуация внутри самой семьи изменилась радикально. Член колхоза не обязательно должен был быть главой семьи; для сохранения «колхозного» статуса двора достаточно было, чтобы только один член семьи работал в колхозе. Чаще в колхоз вступала жена, поскольку женщинам обычно позволяли работать на своем приусадебном участке большую часть времени, чем мужчинам [Там же, с. 130–131]. Вступление женщины в колхоз было лишь одним из проявлений феминизации семьи. Ее опорой все чаще становились женщины разных поколений. К 1937 г. в составе колхозного населения они численно превышали мужчин почти вдвое [Там же, с. 244].

Сельские семьи постепенно становились меньше. Колхозная система провоцировала разделение больших разветвленных семей посредством норм выделения приусадебных участков. Несмотря на это, российская деревенская семья не стала нуклеарной. К примеру, под одной крышей могли проживать вдова с внуком и племянницей, у которой были две дочери без мужа [Там же, с. 247]. Такие изменения вовсе не означали, что институт семьи рушится: 45 % коллективизированных крестьян утверждали, что их семья даже сплотилась [Фицпатрик, 2001а, с. 170].

Сельская семья и «великое отступление» 1930-х гг.

В отличие от первого советского десятилетия «проб и ошибок», начиная с 1934 г. власти демонстрировали целостный подход, позволяющий в полной мере судить о новых приоритетах государства по отношению к семье.

Анализируя наследие «феминистской» историографии, Э. Уотерс обращает внимание на то, что это направление трактовало «великое отступление» Сталина в вопросах семьи и брака в 1930-е гг. как проявление его политического консерватизма. Курс на укрепление традиционной семьи ослабил желание освободить женщин и создать новые отношения между полами, между родителями и детьми, а также между гражданами и государством; именно в этом кроется основное отличие между первыми двумя десятилетиями советской власти [см., например: Goldman, p. 343; Buckley, 1989, p. 112; Einhorn, p. 31]. В оценке мероприятий по реформированию семейной сферы 1930-х гг. влияние идей феминизма на историков оказалось более весомым, чем угасающей теории тоталитаризма [Waters, p. 290].

Поскольку происходящее в 1930-е гг. напоминало возврат к традиционным «буржуазным» семейным ценностям, встал вопрос о характере и степени преемственности советской семьи по отношению к семье дореволюционной. Вместе с тем, с учетом преобладания сельских жителей в структуре советского населения, а также большого количества выходцев из деревни в городах, проблема

переносилась в иную плоскость: было важно понять, насколько значительным было сходство семьи «сталинского» типа и традиционной патриархальной крестьянской семьи.

М. Бакли несколько упрощенно полагает, что малочисленная нуклеарная семья формировалась в ситуации, когда крестьяне в ходе индустриализации и коллективизации массово переезжали в города, где были вынуждены вселяться в общежития при предприятиях и подчиняться требованиям строгой производственной и бытовой дисциплины [Buckley, 1989, p. 128]. Более объемный взгляд предлагает Р. У. Торстон, указывая на противоречивость семейной политики этого периода. С одной стороны, государство разрушало традиционные семейные ценности, подчиняя семью государству; с другой — оно укрепляло семью, запрещая аборт и ограничивая разводы [Thurston, p. 567–568]. По мнению С. Эшвин, все становится на свои места, если принять во внимание, что сталинская политика имела целью не возрождение старой, а создание новой советской семьи, которая, вместо того чтобы служить «консервативной опорой прежнего режима», была призвана стать ячейкой нового общественного устройства [Ashwin, p. 9].

В деревне разрушительные интенции были выражены еще сильнее, поскольку ликвидация прежней крестьянской семьи была неотделима от политики коллективизации. Крестьянок по-прежнему поощряли избавляться от тирании мужей и отцов, развод считался вполне допустимым. Инициаторами разводов часто выступали и мужья, уезжавшие в город на стройку.

Но в сельском обществе более выраженными, чем в городе, были и факторы, способствовавшие сохранению семьи. Как и прежде, в деревенской среде косо смотрели на матерей-одиночек и не одобряли аборт [Фицпатрик, 2001б, с. 249–250; Goldman, p. 177; Ranes, p. 34]. В этом виделась основа для поддержки сталинских мер по укреплению семьи. Несмотря на то, что свободный брак был упразднен только в 1940-е гг., т. е. сохранялась неопределенность самого понятия брака, уже к концу 1930-х гг. даже в городе форма свободных взаимоотношений не пользовалась популярностью, и те, кто до сих пор жил в свободном браке, стремились зарегистрировать свои отношения [Фицпатрик, 2001а, с. 173].

Один из сторонников компаративистского восприятия советской семейной политики, Д. Хоффман, обращает внимание на то, что сталинская политика поддержания семьи была очень похожа на практику других стран в межвоенный период. Исследователь утверждает, что дело было не в защите традиционных семейных ценностей, а в мобилизационных целях роста населения и поддержания общественной дисциплины. С этой точки зрения курс на повышение рождаемости и поддержку семьи стал отражением нового типа политики народонаселения эпохи модерна, в контексте которой разграничиваются подходы социалистический, либерально-демократический и фашистский [Hoffman, 2000, p. 35–36; Хоффман, с. 170–183].

Еще один приверженец «компаративистского» подхода, П. Гинзбург, выделяет четыре модели семейной политики в XX в.: раннебольшевистскую (первая

половина 1920-х гг.), эпохи диктатур (1920–1940-е гг.), католическую (в середине века) и демократическую (с 1945 г.) [Ginsborg, p. 412].

Оба автора констатируют, что советская семья 1930-х гг. отличалась от прежней патриархальной. Декларируя, что семья должна стать опорой общества и государства, творцы семейной политики отрицали контроль над обществом со стороны семьи и ее автономию. Семья имела обязанности, но не имела прав [Hoffman, 2000, p. 45]. В то время как в Италии, Германии и Испании одобрялась архетипическая сельская семья, в СССР приоритетной считалась урбанистическая и нуклеарная; при этом санкционировалась и советская сельская модель, которая базировалась не на прежних крестьянских домохозяйствах, а на новой колхозной семье [Ginsborg, p. 422].

Индустриализация разрушила большие крестьянские семьи, отмечает Д. Хоффман, и политические лидеры не пытались вернуться к доиндустриальной реальности. Для характеристики новой ситуации исследователь предлагает термин «неотрадиционализм», т. е. использование традиционалистского имиджа семьи для современных целей [Hoffman, 2000, p. 48].

Показательно, что пропаганда семейных ценностей носила феминистский, антимужской характер. Именно женщины представлялись в качестве оплота семьи, а мужчины изображались эгоистичными и безответственными [Фицпатрик, 2001а, с. 173; Ginsborg, p. 431; Goldman, p. 327–331]. Однако в реальности на женщин ложилось двойное бремя: государство желало одновременно эксплуатировать их трудовые и фертильные возможности, не желая, несмотря на официальную риторику, брать на себя ответственность за домашние дела и воспитание детей [Hoffman, 2000, p. 47]. Кроме того, на женщин-общественниц возлагалась функция контроля за семейным бытом, в том числе в колхозах [Buckley, 2001, p. 294; Фицпатрик, 2001а, с. 189–196].

Советская сельская семья во второй половине XX в.

Как мы видели, история советской семьи в основном интересовала зарубежных исследователей либо в связи с целенаправленным социальным реформированием, либо на фоне политических катаклизмов. Именно поэтому работ, где рассматривается послевоенная советская сельская семья, кроме упомянутой в начале статьи несколько архаичной книги С. и Э. Данн, чрезвычайно мало.

Одним из основных при характеристике послевоенной сельской семьи является вопрос о значимости традиции в условиях масштабных демографических изменений. Б. Рэйнс считает, что разрушению крестьянской традиции неформального фактического членства в семье способствовал Семейный кодекс 1944 г., формализовавший не только брак, но и усыновление, хотя вопрос борьбы с «кулацкими семьями» к этому времени и утратил свою актуальность [Ranes, p. 36]. О сохранении семейного неравенства и официальном признании нерешенности женского вопроса в брежневскую эпоху упоминает М. Бакли [Buckley, 1989, p. 14].

Развернутую характеристику семейных отношений в селе 1960–1970-х гг. дает С. Бриджер. Автор полагает, что к этому времени сельская семья стала нуклеарной. Ее размер был несколько больше, чем в городе, что определялось не традицией, а общими условиями жизни в сельской местности. Влияние же традиции проявлялось в том, что при выборе брачного партнера по-прежнему учитывалось мнение родителей, а также в распределении ролей в домашнем хозяйстве. Женщинам, как и прежде, приходилось много работать. В то же время в среднем более высокий образовательный уровень женщин делал неочевидным статус мужчины как главы семьи. Сельская семья стремилась быть эгалитарной, но не становилась таковой. Высокая трудовая занятость в сочетании с возросшими социальными запросами в конечном счете заставляла женщин переезжать в город [Bridger, p. 89–154].

Общая тональность высказываний западных исследователей о сельской советской семье послевоенных десятилетий сводится к тому, что хотя традиционная семья и оказалась разрушенной в силу объективных демографических изменений, последствий войны и политики властей, в семейном быту сохранилось немало остатков прошлого. По сравнению с ситуацией в городах положение в семейной демографической структуре российского села было значительно хуже в результате миграции в города и большего удельного веса лиц старшего возраста. Эти выводы в основном согласуются с мнением российских авторов [см., например: Вербицкая, 2009; Население России..., с. 274].

Заключение. Перспективы историографического диалога

Семья в СССР продемонстрировала свою устойчивость, несмотря на многочисленные внешние вызовы. Изменения в демографическом облике и социальном функционировании семьи чаще всего происходили помимо желания властей, под влиянием объективных процессов и внешних обстоятельств. Наиболее серьезную трансформацию пережила сельская семья.

Несмотря на идеологическое давление, семья продолжала оставаться островком приватности в мире официального советского коллективизма. Как замечает Ю. Слэзкин, теоретики марксизма-ленинизма не интересовались повседневной человеческой моралью и не оставили своим ученикам инструкций относительно правильного поведения в кругу семьи [Слэзкин, с. 845]. Возможно, американский историк прав в том, что здесь кроется одна из причин внутренней неустойчивости советского строя, подготовивших его последующее крушение.

При сравнении российских и западных подходов к изучению советской сельской семьи обращают на себя внимание разные методологические основы ее анализа. В СССР / России традиционно более сильны позиции социологической и демографической школ [Волков; Харчев; Эволюция семьи...; и др.]; историки же обращались к проблемам семьи значительно реже. Как и на Западе, обычно это происходило в контексте более широких тем [см., например: Данилов, 1977; 1979; Вербицкая, 1992]. Отечественные исследователи чаще опирались на достижения

социологов, демографов и экономистов; западные — на положения социальной и политической науки.

Во времена СССР зарубежных авторов в советских работах интересовали преимущественно факты, а не выводы, что вызывало неудовольствие советской стороны [например: Anokhina, Krupianskaia, Shmeleva, p. 156]. В годы «перестройки» началось реальное взаимодействие западной и российской историографии в изучении сельской семьи, хотя в первое время оно происходило почти исключительно в виде рецепции западных достижений. «Встречное движение» обозначилось в 1990-е гг. Взаимовлияние традиций присутствует в изучении последствий семейной политики большевиков, социальных итогов коллективизации, а также в крестьяноведческих исследованиях сельских домохозяйств 1920-х гг.

По причине разрушительного характера большевистской политики в отношении прежних социальных институтов уходящий мир нередко идеализировался, особенно в работах крестьяноведческого направления. С другой стороны, возможно, именно по причине этой романтизации сформированная Т. Шаниным крестьяноведческая парадигма оказалась одной из наиболее востребованных в новейшей российской историографии сельской семьи.

На этом фоне в части кооперации зарубежных авторов с их российскими коллегами очевидно проигрывает историко-демографическое изучение семьи: здесь до сих пор не удалось преодолеть разницу в подходах. В то же время единственная работа, написанная в историко-демографическом ключе и специально посвященная российской сельской семье в XX в., принадлежит перу российского автора [Вербицкая, 2009].

За исключением книги Д. Дюран, по сей день несправедливо обойденными вниманием социальных историков являются эксперименты большевиков 1920-х гг. по созданию сельских коммун, где возникали достаточно любопытные формы семейных отношений. Это направление еще ждет своих исследователей.

Безусловного внимания заслуживают оценки нового качества семьи 1930-х гг., в том числе сельской, у Ш. Фицпатрик, Э. Уотерс и представителей «компаративистского» направления — Д. Хоффмана и П. Гинзбурга; работы последних позволяют вписать советские процессы в общеевропейский политический и социальный контекст.

В освещении вопросов советской семейной политики и направлений эволюции семьи в 1920–1930-е гг. западные исследования пока более многочисленны, а подчас и более основательны. Что касается историографии послевоенных десятилетий истории советской сельской семьи, то достижения российских авторов здесь существенно более весомы, чем их зарубежных коллег.

Многие работы иностранных авторов представляют интерес за счет свежего взгляда, компаративистского контекста и нестандартных выводов. Для эффективного изучения процессов эволюции российской семьи в XX в. очевидна необходимость формирования общего исследовательского поля, дальнейшего междисциплинарного и интернационального взаимодействия.

Источники

- Троцкий Л. Д.* От старой семьи — к новой // Троцкий Л. Д. Сочинения. Сер. 6 : Проблемы культуры. Культура переходного периода. Т. 21. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1927. С. 31–39.
- Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М. : Экономика, 1989. С. 194–442.

Исследования

- Вербицкая О. М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х — нач. 60-х гг. М. : Наука, 1992.
- Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М. ; Тула : Гриф и К, 2009.
- Волков А. Г.* Семья — объект демографии. М. : Мысль, 1986.
- Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. : Наука, 1977.
- Данилов В. П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. : Наука, 1979.
- Дюран Д.* Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2010.
- Население России в XX веке: Исторические очерки : в 3 т. Т. 2 : 1940–1959 / под ред. Ю. А. Полякова. М. : РОССПЭН, 2001.
- Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М. : Кругъ, 2011.
- Слэзкин Ю.* Дом правительства. Сага о русской революции. М. : АСТ : CORPUS, 2019.
- Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930. М. : РОССПЭН, 2004.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М. : РОССПЭН, 2001а.
- Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М. : РОССПЭН, 2001б.
- Харчев А. Г.* Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М. : Мысль, 1964.
- Хоффманн Д.* Возращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
- Шанин Т.* Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М. : Дело, 2019.
- Эволюция семьи и семейная политика в СССР / под ред. А. Г. Вишневого. М. : Наука, 1992.
- Åkerman S.* An evaluation of the family reconstitution technique // Scandinavian Economic History Review. 1977. Vol. 25, No. 2. P. 160–170. <https://doi.org/10.1080/03585520802137194>
- Anokhina L. A., Krupianskaia V. Iu., Shmeleva M. N.* On the Study of the Russian Peasantry // Current Anthropology. 1973. Vol. 14, No. 1/2. P. 143–157.
- Ashwin S.* Introduction // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia / ed. S. Ashwin. London ; New York : Routledge, 2000. P. 1–29.
- Bridger S. A.* Women in the Soviet Countryside: Women's Roles in Rural Development in the Soviet Union. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987.
- Buckley M.* Women and Ideology in the Soviet Union. Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 1989.
- Buckley M.* The Soviet "Wife-Activist" down on the Farm // Social History. 2001. Vol. 26, No. 3. P. 282–298. <https://doi.org/10.1080/03071020110070873>
- Dunn S. P., Dunn E.* The peasants of Central Russia. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1967.
- Einhorn B.* Cinderella Goes to Market: Citizenship, Gender and Women's Movements in East Central Europe. London ; New York : Verso, 1993.
- Ginsborg P.* The Politics of the Family in Twentieth-Century Europe // Contemporary European History. 2000. Vol. 9, No. 3. P. 411–444. <https://doi.org/10.1017/S0960777300003076>

Goldman W. Z. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life. 1917–1936.* Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

Hoffmann D. L. Land, freedom, and discontent: Russian peasants of the central industrial region prior to collectivization // *Europe-Asia Studies.* 1994. Vol. 46, No. 4. P. 637–648. <https://doi.org/10.1080/09668139408412187>

Hoffmann D. L. Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in Its Pan-European Context // *Journal of Social History.* 2000. Vol. 34, No. 1. P. 35–54. <https://doi.org/10.1353/jsh.2000.0108>

Mazur L., Gorbachev O. Primary sources on the history of the Soviet family in the twentieth century: an analytical review // *Three Centuries of Northern Population Censuses* / ed. G. Thorvaldsen. London ; New York : Routledge, 2018. P. 101–120.

Mitterauer M., Kagan A. Russian and Central European Family Structures: A Comparative View // *Journal of Family History.* 1982. Spring. P. 103–131. <https://doi.org/10.1177/036319908200700108>

Ranes B. *From Baba to Tovarishch. The Bolshevic Revolution and Soviet's Women's Struggle for Liberation.* Chicago : Marxist Leninist Publications, 1994.

Research Guide to the Russian and Soviet Censuses / ed. R. S. Clem. Ithaca ; London : Cornell Univ. Press, 1986.

Thurston R. W. The Soviet family during the great terror, 1935–1941 // *Soviet Studies.* 1991. Vol. 43, No. 3. P. 553–574.

Troitskaia I., Avdeev A. Historical Demography in Russia // *A Global History of Historical Demography: Half a Century of Interdisciplinarity* / eds. A. Fauve-Chamoux, I. Bolovan, S. Sogner. Bern : Peter Lang, 2017. P. 563–579.

Viola L. The Peasants' Kulak: Social Identities and Moral Economy in the Soviet Countryside in the 1920s // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes.* 2000. Vol. 42, No. 4. P. 431–460. <https://doi.org/10.1080/00085006.2000.11092257>

Waters E. The Bolsheviks and the Family // *Contemporary European History.* 1995. Vol. 4, No. 3. P. 275–291. <https://doi.org/10.1017/S0960777300003489>

Wood E. *The baba and the comrade: gender and politics in revolutionary Russia.* Bloomington : Indiana Univ. Press, 1997.

References

Åkerman, S. (1977). An Evaluation of the Family Reconstitution Technique. *Scandinavian Economic History Review*, 25(2), 160–170. <https://doi.org/10.1080/03585520802137194>

Anokhina, L. A., Krupianskaia, V. Iu., & Shmeleva, M. N. (1973). On the Study of the Russian Peasantry. *Current Anthropology*, 14(1/2), 143–157.

Ashwin, S. (2000). Introduction. In S. Ashwin (Ed.), *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia* (pp. 1–29). London; New York: Routledge.

Bridger, S. A. (1987). *Women in the Soviet Countryside: Women's Roles in Rural Development in the Soviet Union.* Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Buckley, M. (1989). *Women and Ideology in the Soviet Union.* Ann Arbor: Univ. of Michigan Press.

Buckley, M. (2001). The Soviet “Wife-Activist” down on the Farm. *Social History*, 26(3), 282–298. <https://doi.org/10.1080/03071020110070873>

Clem, R. S. (Ed.). (1986). *Research Guide to the Russian and Soviet Censuses.* Ithaca; London: Cornell Univ. Press.

Danilov, V. P. (1977). *Sovetskaia dokolkhoznaia derevnia: naselenie, zemlepol'zovanie, khoziaistvo* [Soviet Pre-Collective Farm Village: Population, Land Use, Economy]. Moscow: Nauka.

Danilov, V. P. (1979). *Sovetskaia dokolkhoznaia derevnia: sotsial'naia struktura, sotsial'nye otnosheniia* [Soviet Pre-Collective Farm Village: Social Structure, Social Relations]. Moscow: Nauka.

Dunn, S. P., & Dunn, E. (1967). *The Peasants of Central Russia.* New York: Holt, Rinehart and Winston.

- Duran, D. (2010). *Kommunizm svoimi rukami: obraz agrarnykh kommun v Sovetskoj Rossii* [Communism with Their Own Hands: The Image of Agrarian Communes in Soviet Russia]. St Petersburg: European University Publ. House.
- Einhorn, B. (1993). *Cinderella Goes to Market: Citizenship, Gender and Women's Movements in East Central Europe*. London; New York: Verso.
- Fitzpatrick, Sh. (2001a). *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoj Rossii v 30-e gg.: gorod* [Everyday Stalinism. The Social History of Soviet Russia in the 1930s: City]. Moscow: ROSSPEN.
- Fitzpatrick, Sh. (2001b). *Stalinskie krest'iane: Sotsial'naia istoriia Sovetskoj Rossii v 30-e gg.: derevnia* [Stalin's Peasants: The Social History of Soviet Russia in the 1930s: Village]. Moscow: ROSSPEN.
- Ginsborg, P. (2000). The Politics of the Family in Twentieth-Century Europe. *Contemporary European History*, 9(3), 411–444. <https://doi.org/10.1017/S0960777300003076>
- Goldman, W. Z. (1993). *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life. 1917–1936*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Hoffmann, D. (2018). *Vzrashchivanie mass. Modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939* [Cultivation of the Masses. Modern State and Soviet Socialism. 1914–1939]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Hoffmann, D. L. (1994). Land, Freedom, and Discontent: Russian Peasants of the Central Industrial Region prior to Collectivisation. *Europe-Asia Studies*, 46(4), 637–648. <https://doi.org/10.1080/09668139408412187>
- Hoffmann, D. L. (2000). Mothers in the Motherland: Stalinist Pronatalism in Its Pan-European Context. *Journal of Social History*, 34(1), 35–54. <https://doi.org/10.1353/jsh.2000.0108>
- Kharchev, A. G. (1964). *Brak i sem'ia v SSSR: Opyt sotsiologicheskogo issledovaniia* [Marriage and Family in the USSR: The Experience of Sociological Research]. Moscow: Mysl'.
- Mazur, L., & Gorbachev, O. (2018). Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: An Analytical Review. In G. Thorvaldsen (Ed.), *Three Centuries of Northern Population Censuses* (pp. 101–120). London; New York: Routledge.
- Mitterauer, M., & Kagan, A. (1982, Spring). Russian and Central European Family Structures: A Comparative View. *Journal of Family History*, 103–131. <https://doi.org/10.1177/036319908200700108>
- Polyakov, Yu. A. (Ed.). (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* [The Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays] (Vol. 2: 1940–1959). Moscow: ROSSPEN.
- Ranes, B. (1984). *From Baba to Tovarisch. The Bolshevik Revolution and Soviet Women's Struggle for Liberation*. Chicago: Marxist Leninist Publications.
- Repina, L. P. (2011). *Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.* [Historical Studies at the Turn of the 21st Century]. Moscow: Krug.
- Shanin, T. (2019). *Neudobnyi klass. Politicheskaia sotsiologiia krest'ianstva v razvoivaiushchemsia obshchestve: Rossiia, 1910–1925* [The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925]. Moscow: Delo.
- Slezkine, Yu. (2019). *Dom pravitel'stva. Saga o russkoi revoliutsii* [The House of Government: A Saga of the Russian Revolution]. Moscow: AST; CORPUS.
- Stites, R. (2004). *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm 1860–1930* [Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930]. Moscow: ROSSPEN.
- Thurston, R. W. (1991). The Soviet Family during the Great Terror, 1935–1941. *Soviet Studies*, 43(3), 553–574.
- Troitskaia, I., & Avdeev, A. (2017). Historical Demography in Russia. In A. Fauve-Chamoux, I. Bolovan, & S. Sogner (Eds.), *A Global History of Historical Demography: Half a Century of Interdisciplinarity* (pp. 563–579). Bern: Peter Lang.
- Verbitskaia, O. M. (1992). *Rossiiskoe krest'ianstvo: ot Stalina k Khrushchevu, seredina 40-kh — nachalo 60-kh gg.* [The Russian Peasantry: From Stalin to Khrushchev, Mid-40s — Early 60s]. Moscow: Nauka.

Verbitskaia, O. M. (2009). *Rossiiskaia sel'skaia sem'ia v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskii aspekt)* [Russian Rural Family in 1897–1959 (Historical and Demographic Aspect)]. Moscow; Tula: Grif i K.

Viola, L. (2000). The Peasants' Kulak: Social Identities and Moral Economy in the Soviet Countryside in the 1920s. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 42(4), 431–460. <https://doi.org/10.1080/00085006.2000.11092257>

Vishnevskii, A. G. (Ed.). (1992). *Evoliutsiia sem'i i semeinaia politika v SSSR* [Family Evolution and Family Policy in the USSR]. Moscow: Nauka.

Volkov, A. G. (1986). *Sem'ia – ob'ekt demografii* [Family as an Object of Demography]. Moscow: Mysl'.

Waters, E. (1995). The Bolsheviks and the Family. *Contemporary European History*, 4(3), 275–291. <https://doi.org/10.1017/S0960777300003489>

Wood, E. (1997). *The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia*. Bloomington: Indiana Univ. Press.

Горбачев Олег Витальевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры документоведения, архивоведения
и истории государственного управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: og_06@mail.ru

Gorbachev, Oleg Vitalievich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of Documentation
and Archival Sciences and the History
of Public Administration
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg,
Russia
Email: og_06@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2911-3100>
ResearcherID: M-9204-2015
Scopus AuthorID: 56625875600